

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

「
ЖАРКАЯ
ЗИМА
」

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Жаркая зима / Сергей Зверев. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248634-0

Российские спецслужбы получают сигнал, что на секретном аэродроме в районе Иркутска западные диверсанты готовят минирование стратегических бомбардировщиков, стоящих на боевом дежурстве. Цель противника — заставить наше командование вывести из региона все самолеты этого типа. Известно, что руководит операцией лейтенант Джон Смит, признанный мастер подводных и наземных терактов. Предотвратить дерзкое нападение поручено группе майора ГРУ Артема Соколова. План противодействия майор начинает разрабатывать еще по дороге в заданный район. Ведь именно Соколов несколько лет назад в рамках международного обмена опытом был личным инструктором своего теперешнего противника, Смита, и знает, как хитер и коварен этот головорез...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248634-0

© Зверев С.И., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Ноябрьская ночь. Поселок Средний, Иркутская область. За пятьдесят часов до операции

Два снегохода погасили фары за двадцать метров до окраинных домов. Двигатели чихнули и замолчали. В тишине снег скрипнул под подошвой — раз, второй...

Старший поднял кулак. Все замерли.

Он опустил прибор ночного видения GPNVG-18. Четыре зеленых окуляра, щелкнув, сложили картинку: поселок спал. В одном окне горел свет — желтый, тусклый. В остальных — чернота.

Старший потер перчаткой окуляры — тонкая наледь на стекле превратилась в капли, сползла вниз. Холод уже пробрался под мембрану — пальцы шевелились туго. Он сжал их в кулак, разжал. Кровь пошла быстрее. В пальцах левой руки — те же ощущения, будто в них набили вату. Он пошевелил большим и указательным пальцами — кончики почти не чувствовали друг друга.

— Периметр, — шепнул он в гарнитуру.

Губы треснули, в уголке выступила кровь. Первый боец бесшумно сместился вправо. Второй ушел влево, слился с тенью покосившегося забора.

Старший опустил на колено. Достал тактический планшет. Синий свет экрана ударил по глазам — зрачки сузились. Он прикрыл дисплей ладонью, оставив щель для себя. На карте — аэродром Белая. Стоянка № 7 отмечена красным маркером. На ней три самолета. Ту-160М.

— Чисто, — шелкнуло в гарнитуре.

— Чисто.

Он поднялся. Снег заскрипел под ногами — он шел к дому, оставляя за собой цепочку следов. Дверь обита проржавевшим железом. Толкнул — не заперто.

Внутри — темнота. Красный фонарь скользнул по стенам. Треснутый плакат с контурами озера Байкал. Стекло в оконной раме разбито, заклеено пленкой в два слоя. Половицы, вымороженные насквозь, не издавали ни звука. На пыли, покрывающей пол ровным слоем, не было ни одного следа.

— Хозяев нет давно, — прошептал первый боец.

На его шлеме вращался объектив тепловизора. Зеленый круг выхватывал углы — холодные, пустые.

— Здесь, — сказал старший.

Снегоходы затащили в сарай рядом с домом. Петли замка срезали гидравлическими ножницами за десять секунд. Двери закрыли, поверх набросили брезент. Следы от полозьев замели метелками.

В дом занесли четыре кофра. Первый — оружие: разобранные НК416 с глушителями, Glock 19, боеприпасы. Второй — связь: спутниковый терминал Inmarsat, запасные батареи, шифратор. Третий — оптика: тепловизоры FLIR Breach, лазерные даль-

номеры, сменные объективы. Четвертый — взрывчатка: пластит, детонаторы, растяжки.

Старший проверил каждый кофр. НК416 — ствольные коробки смазаны, затворы встают ровно. Глушители навернул до щелчка. Магазины — по тридцать патронов, калибр 5.56, бронебойные.

— Антенну на крышу, — старший кивнул первому бойцу. — Ориентация на юго-восток, сектор 140 градусов. Сигнал ловить будем через Яхту-5.

Боец молча взял кофр со связью, поднялся на чердак. Сквозь щели в полу слышалось, как он отодвигал шифер, выставлял антенну, фиксировал ее растяжками. Через несколько минут голос в гарнитуре:

— Антенна в горизонте. Сигнал — четыре полосы.

Второй боец расстилал на полу термоизолирующие коврики — серебристый слой фольги кверху. Поверх — спальные мешки, пока не распакованные. До рассвета оставалось шесть часов.

Старший сел на перевернутый ящик, раскрыл планшет. Спутниковый снимок аэродрома с разрешением полметра на пиксель. Он приблизил изображение: три самолета, вокруг — заправочная техника и два БТР-82 на дальнем периметре.

— Патрули? — спросил второй боец, настраивая тепловизор.

Объектив щелкал, фокусируясь на стене.

— Каждые сорок минут. Внедорожник, двое. Маршрут — периметр технической зоны. — Старший ткнул пальцем в планшет: — Коллектор в зону ответственности не входит.

— Часовых на выходе не будет?

— Нет.

Первый боец спустился с чердака, отряхнул снег с колен.

— Антенна стабильна. Через два часа сеанс.

Старший снял шлем. GPNVG-18 остались на шлеме — зеленые окуляры смотрели в потолок. Он потер переносицу через ткань балаклавы и достал флягу с теплым чаем, сделал два глотка.

— Через час идем на разведку, — сказал он, глядя на часы, которые показывали 23:00.

— Смит хочет точные координаты всех входов и время прохода.

— Замеряем?

— Шагомер на планшете. Плюс секундомер. Два замера — туда и обратно.

Они вышли ровно в полночь. Цепочкой — старший впереди, второй через десять метров, третий еще через десять. Все с приборами ночного видения. Луна, скрытая облаками, давала нулевую видимость. В зеленых окулярах поле обрело форму: заснеженные кочки, редкие кусты, далекие огни аэродрома.

Снег скрипел под ногами. Ветер дул в лицо, относил звук назад. Старший шел, считая шаги. Дыхание вырывалось из-под балаклавы и тут же оседало инеем на воротнике.

Через десять минут ходьбы появилась лесополоса. Он поднял кулак. Все замерли. Гул двигателя. Где-то со стороны аэродрома. Свет фар мазнул по низким облакам, подсветил их снизу желтым. Патруль прошел в трехстах метрах. Удалился.

— Пошли.

Овраг открылся внезапно — черная трещина в белом поле. Старший спустился первым, съезжая на корточках. Снег посыпался вниз, замерцал в воздухе ледяной пылью.

Люк нашли по пару — тонкая струйка поднималась из-под снега, извивалась и таяла. Старший смахнул снег с крышки. Чугун. Ржавчина. Рычаг примерз. Уперся ногой, потянул. Металл завыл — низко, утробно. Звук ушел в поле и растворился в ветре.

Снизу ударило теплом. Первый боец опустил в люк шуп газоанализатора. Прибор молчал.

— Можно.

Старший полез первым. Скобы были скользкими. На третьей ступени нога сорвалась — он повис на одной руке, подтянулся, нашел опору. Сердце стукнуло раз, другой. Успокоилось... Дно. Ледяная вода по щиколотку обожгла сквозь мембрану ботинок, но терпеть было можно и нужно.

Он включил прибор ночного видения на максимум. Зеленый свет залил коллектор: бетонные своды, трубы вдоль стен, кабельные лотки под потолком. Ширина — три метра, высота — два с половиной. Второй боец спустился следом, третий остался наверху.

— Засаеаю время, — шепнул старший и нажал кнопку секундомера.

Он двинулся вперед. Шагомер на планшете считывал метры. Через сто метров — развилка. На лево — технический тоннель, направо — основной ход. Сверка с картой: направо.

Стены коллектора хранили следы недавнего присутствия: на бетоне темнели свежие потертости, в углу валялся окурок сигареты без фильтра — охрана аэродрома спускалась сюда, устроив перекур. Старший поднял окурок, осмотрел. Табачный пепел еще не рассыпался в труху. Значит, выбросили окурки не позже двух дней назад.

Он достал камеру, сфотографировал находку. Отметил координаты на планшете. Пошли дальше. Вода хлюпала под ногами. Звук разносился по трубам, возвращался эхом. Старший двигался медленно, проверяя каждый угол. Через каждые пятьдесят метров — остановка, фото, отметка.

Через двести метров — просвет. Лунный свет пробивался сквозь решетку, ложился на бетон белыми полосами.

— Выход к стоянке № 7, — шепнул он. — Через двадцать метров поворот, потом лестница.

Остановился. Поднял кулак. Второй боец замер.

— Время?

— Семнадцать минут от люка, — ответил тот, глядя на секундомер.

— Обратно — столько же. Запоминай маршрут: через двести метров — колодец с задвижкой, потом развилка. Поворот направо. Лестница — через триста метров.

Он развернулся, пошел обратно. На обратном пути — те же остановки, те же фото. Планшет постепенно заполнялся метками.

Люк открыли через тридцать пять минут. Третий боец ждал наверху, прижавшись к склону.

— Чисто?

— Патруль прошел пять минут назад. Следующий — через тридцать пять.

Старший выбрался наружу.

— Уходим.

В дом зашли в начале второго. Первый боец уже развернул спутниковый терминал. Антенна смотрела в юго-восточный сектор. Индикатор горел зеленым светом. Старший сел напротив, воткнул наушник в шифратор.

— Кодировка Трезубец-7. Канал чист.

Он набрал код вызова. Четыре цифры. Ответ пришел через пятнадцать секунд — щелчок, потом голос. Спокойный, с хрипотцой:

— Статус.

— База готова, ждем. — Старший коротко доложил координаты, состояние коллектора, время прохода.

Пауза. Три секунды.

— Подтверждение. Выход через сорок часов. Координаты финальной точки — в шифровке.

— Принято.

Щелчок. Связь оборвалась. Старший снял гарнитуру. Экран терминала погас, но за секунду до этого высветилось сообщение: Accepted. Smith. ETA 40 hrs.

Он повернулся к бойцам:

— Смена через шесть часов. Спать по очереди. В семь утра — вторая разведка. Засветло уже нельзя.

Первый боец потянулся к выключателю фонаря. Красный диод погас. Комната погрузилась в темноту. Старший лег на коврик. Рука легла на рукоятку Glock 19, предохранитель на котором был постав-

лен в боевое положение. За окном ветер бросал снег в пленку. А уцелевшие стекла дрожали.

Где-то далеко залаяла собака. Раз. Второй. Смолкла.

Он слушал, как дышат бойцы. Первый уже уснул — дышал ровно, глубоко. Второй ворочался — коврик шуршал. Через шесть часов — новая разведка. Через сорок — начало. Он закрыл глаза. Ветер выл. Снег барабанил по стене.

А в остальном полная тишина...

ГЛАВА 1

*День первый, 16:30–17:00, трасса Р 255 у кафе
«Теремок», в 2 км от стоянки самолетов*

Ноябрьский день умирал быстро. Солнце уже скатилось за кромку леса, оставив после себя не закат, а тяжелую серую муть, которая навалилась на трассу Р 255 Сибирь сырой, липкой мглой. Видимость у земли упала до ста метров — обычное дело для предзимья, когда влажность выжимает из воздуха последнее тепло и превращает его в ледяную взвесь.

Но выше, метрах в пятидесяти, туман редел. Там, где должны были летать дроны, воздух оставался чистым, и только низкие рваные облака, висевшие на высоте трехсот метров, напоминали о том, что авиации с аэродрома Белая сегодня не подняться — обледенение, пересекающее все допустимые нормы, приковало ракетоносцы к земле.

Тягач с прицепом-бытовкой съехал на обочину метрах в пятидесяти от кафе «Теремок». Сделал это плавно, без рывков, словно водитель заранее знал это место и не нуждался в разворотах или маневрах. Тягач остановился ровно напротив разрыва в лесополосе, где когда-то была съездная площадка для лесовозов.

В кабине было тихо. Водитель — плотный мужчина в темной куртке с поднятым воротником — оставил двигатель работающим. Дым выхлопа тянулся из трубы, смешиваясь с серой взвесью, и через несколько секунд его уже нельзя было отличить от тумана. Рядом с ним, на пассажирском сиденье, сидел оператор — худой, с острыми скулами, в такой же темной куртке. Он взглянул на часы. Стрелки показывали 16:29. Второй оператор находился сзади, в спальнике, и его лица из кабины видно не было.

— Время, — сказал водитель.

Голос — низкий, спокойный, без напряжения. Словно они не на обочине федеральной трассы в трех километрах от стратегического аэродрома, а на плановой остановке.

Худой качнул головой. Никаких лишних слов. Они уже все обговорили раньше — за сотни километров до этого места, на другой стоянке, в другой день. Сейчас работала только отточенная, многократно повторенная на тренировках последовательность.

Оператор открыл дверь. Спрыгнул на снег, приземлившись на наст, которым затянуло обочину после вчерашнего снегопада. Ботинки хрустнули, но звук утонул в монотонном рокоте дизеля.

Второй оператор — коренастый, с широкими плечами, выбрался следом, обошел кабину спереди, глянул на дорогу. Ни машин, ни огней. Трасса Р 255 в этом месте пустовала: час пик еще не начался, а дальнобойщики, которые шли с запада, предпочитали заправляться у предыдущего поселка, где топливо было на два рубля дешевле.

Только у кафе, расположенного рядом, стояли три большегруза. Дальнобойщики грелись внутри. Сквозь запотевшие окна едва пробивался желтый свет.

Операторы пошли к прицепу. Бытовка на прицепе выглядела как сотни других, курсирующих по сибирским трассам. Грязно-белый металлический корпус, задвижки на дверях, наледь по нижней кромке. Единственное, что могло бы привлечь внимание, — отсутствие окон. Но в серой мгле и это не бросалось в глаза.

Коренастый оператор подошел к левому борту, провел пальцами по обшивке, нашел скрытую кнопку. Худой встал напротив, у правого борта, и достал из внутреннего кармана куртки пульт — плоскую коробку размером с телефон, с сенсорной панелью и цифровым счетчиком, прикрытым защитным стеклом.

Коренастый нажал кнопку. В ответ из глубины прицепа донесся низкий, тягучий гул гидравлики. Металлическая крыша, прилежавшая к корпусу под небольшим углом, дрогнула и начала медленно подниматься, разделяясь на две симметричные части. Никакого резкого движения — только плавный, рассчитанный ход, с которым шестерни и цилиндры справлялись без рывков. Снег, налипший на крышу, осыпался по краям, обнажая под собой грязно-белый металл.

Худой оператор поднял голову, следя за движением. В сером свете умирающего дня крыша казалась продолжением тумана — такой же бесцветной, лишенной теней. Обе половины крыши поднялись

на тридцать градусов, потом на сорок, потом встали вертикально, открывая взгляду то, что было скрыто внутри. Пусковые направляющие. Дроны — сорок штук, уложенных в два яруса, плотно, как соты. И еще десять — на поворотном механизме в центре, готовые к последовательному развороту.

Каждый дрон — черный, с крестовиной четырехлучевой рамы, с цилиндрическим корпусом в центре, с аккумулятором, упакованным в термостойкий кожух, и кумулятивным зарядом под рамой. Сорок девять из пятидесяти еще спали, тускло поблескивая пластиком корпусов в свете, который пробивался сквозь туман. Пятидесятый, первый по счету запуска, уже мигал зеленым индикатором в центре. Система прошла тест.

Худой оператор коснулся сенсорной панели, ввел код — короткую последовательность из шести цифр, выученную наизусть, как молитва. Пульт пискнул, принимая команду. На счетчике высветилось: 01/50.

Коренастый отступил на шаг, освобождая пространство перед пусковой. Худой нажал на панели «старт». Первый дрон ожил. Винты — четыре узких лопасти из углепластика — начали раскручиваться с нарастающим высокочастотным свистом, который резанул по ушам, заглушив на мгновение даже гул дизеля тягача. Свист нарастал, переходя в сплошной, ровный гул, когда обороты достигли рабочих.

Корпус дрона дернулся в направляющих, сбрасывая фиксаторы. Худой оператор отсчитал про себя: раз, два, три...

Ровно через тридцать секунд первый дрон сорвался с направляющей. Рывок — и он ушел вверх, в серое небо, туда, где туман редел и открывался чистый воздух. Через секунду его уже нельзя было различить на фоне облаков.

Счетчик на пульте моргнул: 02/50.

Худой взглянул на часы. Было около 16:33. По графику они должны были уложиться в двадцать пять минут. Время, за которое пятьдесят дронов поднимутся в воздух и лягут на курс к аэродрому Белая. Время, за которое ничего не должно пойти не так. Но тут в кафе рядом он заметил движение...

В кафе «Теремок» горел свет.

Иван Петрович сидел у окна, подперев голову рукой, и смотрел на стоянку. Кружка с чаем давно остыла, но он все равно держал ее в ладонях — так руки были заняты и не тянуло закурить. За месяц рейса Иркутск — Красноярск — Иркутск он выкурил уже третью пачку сверх обычной нормы, и жена, если узнает, устроит скандал. Лучше не курить.

Он перевел взгляд на окно. Туман, серый, плотный. За ним ничего не разобрать.

— Скоро света не будет, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— А нам спешить некуда, — отозвался Михаил, сидевший напротив.

Охотник, местный, возвращался с промысла — две туши косули, упакованные в багажник его старого «Урала», уже начали подмораживаться, но до дома было еще три часа пути. Он пил заваренный в термосе чай с мятой и не торопился.

— Трасса закроется через час, чего дергаться.

— Закроется, — согласился Иван Петрович. — А ты, значит, ночевать здесь собрался?

— А почему бы и нет? Кафе есть, чай есть, печка топится. Утром поедem, по легкому морозцу, без этой сырости.

Из-за стойки выглянул хозяин — мужчина лет пятидесяти, в фартуке поверх свитера. Посмотрел на охотника, на дальнoбойщика, спросил:

— Повторить чай?

— Давай, — кивнул Михаил. — И пирожков еще, с капустой, штуки три.

— Сейчас.

Он скрылся за стойкой. Иван Петрович снова посмотрел в окно. В серой мгле, метрах в пятидесяти от кафе, едва угадывался силуэт — тягач, большой, грузный, с прицепом. «Еще один дальнoбойщик, — подумал он. — Тормознул перекурить. Но почему-то не пошел в кафе. Стоит себе у обочины, дымит. Странно».

Иван Петрович присмотрелся. Туман мешал, но он все же различил, что это не фура. Тягач, да, но прицеп — не контейнер, не рефрижератор, а бытовка. Грязно-белая, без окон, с какими-то разводами на бортах. И крыша...

Крыша начала подниматься. Он не поверил глазам сначала. Подумал — показалось, игра света и тумана. Но крыша действительно двигалась, медленно, плавно, разделившись на две половины и вставая вертикально, открывая что-то внутри. Сердце ударило в ребра. Он видел такие картинки в новостях, когда показывали репортажи из зоны боевых действий.

— Миша, — позвал он. — Глянь-ка.

Охотник поднялся, подошел к окну, встал рядом.

— Что там?

— Не пойму. Вон, у тягача... крыша поднимается у прицепа.

Михаил прищурился, всматриваясь. Туман, серая мгла, полсотни метров расстояния — ничего не разобрать. Но силуэт да, странный. Тягач стоит, дымит, а сзади него... будто что-то раскрывается.

— Может, ремонтируют чего? — предположил он неуверенно.

Иван Петрович покачал головой. Внутри, в груди, стало тесно — пульсация в сонной артерии забила в ритме бега, хотя он сидел на месте.

— Странные они, — сказал он. — Без огней, без ничего. Остановились, и тихо...

— Туман, — пожал плечами Михаил. — Может, навигация слетела. Или устал водитель, решил передохнуть.

— Тогда бы в кафе пошел. Чай попил.

— А может, не православный.

Иван Петрович не ответил. Он снова взглянул на прицеп. Крыша теперь стояла вертикально, и в тусклом свете умирающего дня изнутри, из чрева бытовки, взметнулось что-то черное, мелкое, с вращающимися винтами. Одно. Затем, через тридцать секунд второе. Винты свистели, и этот свист пробивался сквозь стекло, сквозь гул печи.

Кружка выпала из рук, грохнулась об пол, расплескав холодный чай по доскам.

— Бегом! — крикнул он, хватая Михаила за рукав. — Это дроны!

Михаил сначала не понял, о чем говорит Иван Петрович. Смотрел на его лицо — перекошенное, с застывшими глазами, на пальцы, вцепившиеся в рукав.

— Какие дроны? — спросил он, но голос уже дрогнул, потому что из-за окна, из серой мглы, донесся нарастающий ровный свист, похожий на вой пилы по металлу, только тоньше, злее.

Иван Петрович уже бежал к выходу. Рванул дверь, выскочил на крыльцо, поскользнулся на наледи, упал, но тут же вскочил. Снег облепил куртку, ботинки скользили, но он не чувствовал холода — только эту тянущую, липкую пульсацию в висках, которая толкала вперед.

За его спиной хлопнула дверь кафе. Выскочил Михаил, за ним — двое дальнобойщиков, те, что пили чай за соседним столиком.

— Иван Петрович, стой! — крикнул охотник. — Куда ты?

Но Иван Петрович уже бежал к тягачу. Он бежал, проваливаясь в снег, и видел только спины убегающих. Трое в темных куртках уже достигли кромки леса, нырнули между стволами. Один, обернувшись на бегу, бросил короткий взгляд на прицеп и отвернулся.

— Стоять! — заорал Иван Петрович. — Стоять!

Силуэты растворились в тумане, и только хруст снега под ногами еще несколько секунд доносился из лесополосы. Затем, за первыми деревьями, у замерзшего ручья, взревел двигатель снегохода.

Иван Петрович сделал еще несколько шагов, провалился по колено, выругался, остановился.

Обернулся к прицепу. Половинки крыши стояли вертикально, открывая пусковые направляющие. Пульт оператора лежал на снегу — видать, убежавшие его выронили. Из пусковых с интервалом в тридцать секунд вылетали дроны. Черные крестовины срывались с направляющих, взвивались вверх, исчезали в тумане. Свист нарастал.

— Михаил! — закричал Иван Петрович, поворачиваясь к кафе. — Тащи сюда лопату! Монтировку! Все что есть!

От кафе уже бежали вышедшие водители. Один нес лопату, второй — кусок арматуры, подобранный где-то рядом.

На шум из кабины своего тягача вылез еще один водитель — молодой, в вязаной шапке-ушанке, с круглым от удивления лицом. Он не понял, что происходит, но инстинкт сработал: схватил с сиденья монтировку и побежал за остальными.

С трассы, со стороны Иркутска, вырулил на обочину «Урал» — бортовой, с тентом. Водитель, пожилой, с седой щетиной, увидел бегущих людей, притормозил, высунулся из окна.

— Чего случилось?

— Дроны! — заорал ему Михаил. — Помогай, козлы летят!

Водитель «Урала» выругался, заглушил двигатель, прыгнул на снег. В руках у него оказался тормозной башмак — тяжелый, чугунный, с ручкой.

Семеро. Иван Петрович, Михаил, двое дальнотбойщиков из кафе, молодой водитель с монтировкой, седой с башмаком. Седьмой, хозяин кафе, выскочил последним, без ничего, только руки вытер о фартук.

— Чем бить-то?

— Лопату бери! — крикнул ему кто-то.

Хозяин метнулся к пожарному щиту, взял еще одну лопату и догнал остальных.

Иван Петрович первым добрался до прицепа. Схватился за край крыши-трансформера, подтянулся, закинул ногу на борт. Металл обжег холодом даже сквозь джинсы, но водитель не обратил внимания. Вскрабкался наверх.

— Подай лопату! — крикнул он.

Михаил, стоявший внизу, кинул ему лопату, но перебросил неудачно — древко ударило Ивана Петровича по руке, а инструмент упал обратно в снег. Иван Петрович выругался, спрыгнул, поднял лопату, полез снова. Сзади напирали, мешали, лезли одновременно — кто на прицеп, кто встал на подножку, кто пытался пролезть сбоку.

— Не толпитесь! — заорал молодой водитель, но его не слушали.

Хозяин кафе попытался залезть с другой стороны, поскользнулся, упал, потянул за собой соседа. Тот уронил арматуру, она звякнула о металл, отскочила в снег. Михаил, пробираясь к прицепу, столкнулся плечом с дальнобойщиком с лопатой, — инструмент вылетел из рук, плюхнулся в сугроб.

— Да чтоб вас! — заорал Иван Петрович, уже стоя наверху. — Не мешайте!

Наконец он получил лопату — ему подали снизу, уже нормально. Рядом, перебравшись через борт, встал Михаил. Третий, молодой водитель с монтровкой, попытался влезть следом, но места